

**ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ МГУ
ПОСОЛЬСТВО ЛИТОВСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПОСОЛЬСТВО ЛАТВИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«МИР ЖИВОТНЫХ В МИФОПОЭТИЧЕСКОМ РАКУРСЕ»
«ДОМ БАЛТРУШАЙТИСА»
15–17 мая 2014 г.**

АННОТАЦИИ ДОКЛАДОВ

Людмила Ивановна АКИМОВА (Москва)

ПАНТЕРА В МИФИЧЕСКОМ «БЕСТИАРИИ» ГРЕКОВ

Образ пантеры, известный с VII тыс. до н.э., у греков получил популярность с архаической эпохи (вазопись Коринфа), где пантера — единственный хищник, наряду со львом, включенный в круговые фризы с травоядными копытными (ее голова всегда повернута анфас). Пантера и лев, Праматерь («Всезверь») и Праотец космоса, составляют ритуальную пару: пантера — ночное, звездное, женское существо, лев — дневное, мужское, солнечное. В дальнейшем пантера превратилась в «спутника Диониса», почти целиком утратив хищные черты и странным образом сблизившись с Иисусом Христом: «сладкое дыхание» влекло к ней всех зверей так же, как слово воскресшего Христа влекло к нему и христиан, и язычников.

Антанас Андрияускас (Вильнюс)

ЮРГИС БАЛТРУШАЙТИС-МЛАДШИЙ:

МЕТАМОРФОЗЫ ФАНТАСТИЧЕСКОГО БЕСТИАРИЯ «ПО ПУТИ» С ВОСТОКА НА ЗАПАД

Доклад посвящен проблематике, актуальной для компаративной культурологии и искусствоведения. В докладе проводится анализ исследований исторических метаморфоз фантастических животных по пути с Востока на Запад, предпринятых в работах Юргиса Балтрушайтиса-младшего. Особое внимание уделяется взаимоотношению компаративистских искусствоведческих исследований Балтрушайтиса с более ранними евроцентристскими традициями западной академической науки и выявлению оригинальности его методологических подходов.

Рита Балкуте (Вильнюс)

**ЖИВОТНЫЕ-ЦЕЛИТЕЛИ, ЖИВОТНЫЕ-ЛЕЧЕБНЫЕ СРЕДСТВА
В ЛИТОВСКОЙ НАРОДНОЙ МЕДИЦИНЕ**

О функциях и ролях животного — как средства и как самостоятельного персонажа в литовской традиционной медицинской практике. *Конь, козел, овца, свинья, кошка, волк, крот, щука, змея, жук-медведка, вошь* и др. От мифологии (поверья, заговоры, былички и т. п.) к фармакологии, от чудесных исцелений до изготовления «анималистических» лечебных средств (из внутренних органов, крови, кожи, шерсти и т. п.).

Ольга Владиславовна БЕЛОВА (Москва)

**ЖИВОТНЫЕ В РУССКИХ ЭТИОЛОГИЧЕСКИХ ЛЕГЕНДАХ:
ПРЕВРАЩЕНИЯ И ТРАНСФОРМАЦИИ**

В докладе рассматриваются сюжеты и мотивы народных этиологических легенд, объясняющие происхождение и особенности различных животных (зверей, птиц, земноводных и насекомых). Наиболее интересными с точки зрения текстологического анализа являются легенды, повествующие не столько о сотворении разнообразных представителей животного мира, сколько об их дальнейших трансформациях. В подобных текстах находит отражение целый комплекс народно-мифологических представлений, сочетающих в себе архаические «воззрения славян на природу» с народно-христианскими верованиями.

Дагмар БУРКХАРТ (Гамбург)

«ЗВЕРИНАЯ ТОСКА».

ЖИВОТНОЕ КАК ДРУГОЕ Я ЧЕЛОВЕКА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В «разгаданном мире» человека (*gedeutete Welt*, Рильке) как существа, равно принадлежащего природе и культуре, важное место занимает система «животное – человек в их взаимодействии». Речь идет прежде всего о *представлениях* о животных, которые человек – будучи *animal rationale* – реализовал в самых разных культурных воплощениях, и, более того, поместил в центр *animal studies*. Уже не через **из**-ключение, но через **в**-ключение в качестве *чужого* (при этом совсем необязательно *враждебного*) – а им оно *является* или, точнее, *стало* в освоенной человеком природе – животное получило свой особый системный статус (Деррида): в своей «инакости» или «чуждости», в своей внеположности животное было и остается по отношению к человеку *другим*, а не неким «недосуществом». Точкой отсчета здесь может служить предложенный Бахтиным в связи с креативностью диалога термин «внезаходимость».

В русской литературе свои характерные свойства манифестируют прежде всего высокоорганизованные млекопитающие, такие как лошадь, собака, кошка («companion species»), волк или медведь; далее в литературу, в соответствии с меняющимися во времени правилами дискурса, вторгаются птицы, лягушки, летающие насекомые, жуки, клопы, тараканы. В разные эпохи животные проникают в разные жанры: былины, сказки, паремии и басни, в лирику и драму, рассказ и роман, вплоть до интернет-литературы и сетевого фольклора. Их «литературизация» простирается от средневековья, через классицизм, романтизм, модернизм и авангардизм, до постмодернизма. Звери гипостазируют человеческие свойства (как в баснях Крылова), превращаются в символы (медведь, волк, чайка, буреветник, лягушка, мышь, муха); на них проецируются человеческие свойства и социальные отношения (ср. лошадь в «Холстомере» Толстого или в «Прощании Гюльсары» Айтматова, собаку в «Муму» Тургенева, в «Каштанке» Чехова или в бунинских «Снах Чанга»; насекомых у Достоевского в «Братьях Карамазовых», пчел и ос в поэзии Мандельштама, апокалиптических зверей у символистов и летающих насекомых в постмодернистском романе Пелевина «Жизнь насекомых»). Благодаря эффекту остранения, с помощью животных-протагонистов или через их свойства могут создаваться абсурдные (Хармс) или дистопические миры («Собачье сердце» Булгакова, «Священная книга оборотня» Пелевина, «Кысь» Татьяны Толстой, «Сахарный Кремль» и «Метель» Сорокина).

Материалом для анализа служат модернистские и постмодернистские тексты.

Скирмантас ВАЛЯНТАС (Шяуляй)

СИГИТАС ГЯДА: МЕЖДУ ПТИЦЕЙ И КЕНТАВРОМ

(МЫСЛИ ПЕРЕД ПРОЧТЕНИЕМ ТЕКСТА И ПОСЛЕ НЕГО)

В поэзии Сигитаса Гяды (1943 – 2008) граница между человеческим и животным мирами неопределенна. Хорошо известно публицистическое утверждение Гяды, что раковины улиток являются останками наших, т. е. и людей, и животных, предков, поэтому к ним

надо относиться уважительно. В одних случаях в поэзии можно усмотреть *скрытый* образ человека-лошади: сын Миндаугаса Вайшвилкас в «Ожерелье из зеленого янтаря» имплицитно изображен как кентавр. С другой стороны, в отличие от традиционного кентавра (мифического существа, имеющего лошадиный торс и ноги, а верхняя часть тела такая же, как у человека), поэт нередко изображает кентавра как наполовину человека, наполовину птицу, ср., *Buvo — tarsi koks kentauras, / Žmogų paukštį žemė jautė* ‘Был словно какой-то кентавр, / Человека-птицу земля чувствовала’. Подчеркивая отсутствие такой границы, иногда синтез человека и животного (или кентавра и птицы) превращается в ось произведения (поэма «Дрозд»): *Neatmeni, Aušra, kur tau atsiminti, / kaip šnekėjomės naktį: / buvo Strazdas kentauras / ar tik paprastas / paukštis?* ‘Заря, где тебе помнить, / как мы говорили ночью: / был Дрозд кентавром / или только простой птицей?’ Тему кентавра продолжают люди, пахущие землю на лосях (*Čia protėviai klajojo, jie briedžiais žemę arė* ‘Здесь предки бродят, они на лосях землю пахали’) и сыновья Гядиминаса, скачущие на оленях (*Ant elnių mes išleidžiam sūnus Gedimino* ‘На оленях мы выпускаем сыновей Гядиминаса’).

Татьяна Васильевна ВОЛОДИНА (Минск)

**КОТЫ И КОШКИ В ФОКУСЕ ВСТРЕЧИ МИРОВ
(БЕЛОРУССКАЯ ТРАДИЦИЯ)**

Материал о демонических функциях, приписываемых в народных представлениях коту и кошке, огромен. Именно кошачий облик приобретают многие мифологические персонажи при встречах с людьми и в такой роли участвуют в человеческих делах, причем это персонажи с разным ценностным статусом (от черта до героя-помощника или же создания Божьей Матери). Важно при этом, именно при встречах с людьми, т. е. в ситуациях контакта миров. В этиологических легендах белорусов кот создан Творцом даже прежде Евы, чтобы человеку не было так грустно.

Представления и обычаи сферы народной педиатрии указывают на слитность младенца (еще до его рождения) и кота в единое целое: наблюдается семантическая корреляция образов грудничка и кота на основании их подчеркнуто граничного положения между полюсами дикое — домашнее (оторванность от природы, отсутствие речи, а только «мяуканье», неумение регулировать физиологические надобности и т. д.); контакт беременной с котом выливается в особые отметины на теле ребенка; вскоре после рождения совершается ритуальное «разведение» младенца и домашних животных, хотя кот продолжает свое участие в ритуальном лечении). Обратное сведение образов кота и уже старика или даже умершего прослеживается в комплексе верований о появлении души в кошачьем облике, в народнопоэтических тропах.

Александр Викторович ГУРА (Москва)

КЛАССИФИКАЦИЯ ЖИВОТНЫХ В СЛАВЯНСКОЙ НАРОДНОЙ ЗООЛОГИИ

Доклад посвящен народным представлениям о животных и особенностям структурирования данного фрагмента традиционной картины мира. Сравнительный анализ материала разных славянских традиций в его разнообразных формах и жанрах позволяет вычленивать на языковом, морфологическом, «социальном» и акциональном уровнях набор смыслоразличительных признаков животных как особых культурно-мифологических персонажей, построить модель для описания представлений о животном мире, выявить внутреннюю организацию зоологического кода языка культуры. Для деления всех животных на классы достаточен минимальный набор релевантных дифференцирующих признаков: единичность — множественность (признак, часто сопровождаемый другим: крупный — мелкий); локус (место обычного пребывания);

модус передвижения. Этот пучок признаков дает возможность вычленить четыре класса животных: звери, гады (с подгруппой насекомых), птицы и рыбы.

Большие группы животных выявляются также на основе других признаков. Многие животные наделяются мужской или женской символикой, которая не всегда диктуется грамматическим родом названия животного. Некоторые персонажи парны по признаку мужской/женский (соболь и куница, рак и рыба в фольклорных текстах, кукушка и удод в поверьях). Что же касается признака пола, то в народной культуре он выражен не у всех животных и не всегда является постоянным (например, меняется у курицы, съевшей крошки пасхального кулича), а у пчел релевантен признак бесполости, играющий важную роль в богородичной символике пчелы (мотив непорочного зачатия у пчел). Животные делятся на чистых и нечистых, имеющих своего главу, своего патрона, увиденных или услышанных первый раз весной и т. д. Дикие животные нередко кодируются посредством домашних (лось — дикая корова, куропатка — дикая курица, волк и медведь метафорически соотносятся с собакой и волком, насекомые — со скотом).

Звери наиболее индивидуализированны и чаще выступают как одиночные, самостоятельные персонажи, у них мало общих признаков (за исключением группы кунных и других пушных зверей). Гадов, включая насекомых (мелких «гадов»), объединяет признак «ползать», выступающий в языке в том числе применительно к мышам, раку и крылатым насекомым; это хтонические животные, нечистые, ядовитые, способные проникать внутрь человека, часто выступающие в функции домашнего покровителя. Птицы выделяются способностью летать, акустической характеристикой, связью с календарным циклом, наиболее четким делением на чистых и нечистых, мужских и женских. Рыбы характеризуются принадлежностью к водной стихии и немотой.

Народной классификации животных присущи: нежесткость классификационных рамок (свойства гадов отчасти присущи ласке и волку, ласка совмещает признаки зверя и птицы, летучая мышь называется «полуптицей-полумышью»); смешение разных видов животных (объединение в один персонаж ласки и горноста, змеи и безногой ящерицы, кукушки и ястреба как одной птицы с различным сезонным поведением) и, наоборот, разделение одного вида на два разных персонажа (курица и петух, гусеница и бабочка, головастик и лягушка); превращение одних животных в другие (годовалой кукушки в ястреба; воробьев в зависимости от погоды в мышей; мыши, съевшей освященную еду, в летучую мышь; зимующих под водой ласточек в лягушек; червей, точащих нетронутое двадцать лет дерево, в змей; волчицы, пять раз принесшей потомство, в рысь); наличие фантастических, гибридных видов, реально не существующих в природе.

Керен ДУБНОВ (Иерусалим), Мария Вячеславовна ЗАВЬЯЛОВА (Москва) **ПУТЕШЕСТВИЕ «ОДНОГО КОЗЛИКА» В ПРОСТРАНСТВЕ И ВРЕМЕНИ**

В докладе идет речь о еврейской песне Пасхального цикла «Хад Гадья» («Один козленок»), рассматривается история ее возникновения, интерпретации и возможные аналоги в разных европейских традициях. На основе текстологического и структурного анализа этих песен, а также мифологического и символического значения образа козла в мировых традициях делается вывод о возможных истоках еврейской песни.

Одета ЖУКАУСКЕНЕ (Вильнюс) **АНИМАЛОМАНИЯ В ИСТОРИИ ИСКУССТВА: ВЗГЛЯД ЮРГИСА БАЛТРУШАЙТИСА-МЛАДШЕГО**

Доклад посвящен работам Юргиса Балтрушайтиса о построенных на сходствах людей и животных *аберрациях* в изобразительном искусстве. Особое внимание уделяется эссе Балтрушайтиса «Физиогномика животных», опубликованному в книге «Aberations»

(1957). В нем искусствовед говорит о роли в истории западного искусства физиогномики — древней науки об отражении на лице человека его психического склада и о поисках, среди прочего, соответствий внешности и характера человека и животных. Он показывает, как античные сюжеты сохранялись в легендах и художественном творчестве средневековья и ренессанса, возрождались в XVIII веке и распространялись в начале XIX века. Отражившись в творчестве Леонардо да Винчи, Тициана, Рубенса, Джамбаттиста Делла Порта, «анималомания» возродилась в рисунках Домье, Гаварни и Гранвиля, изображавших сатирические гибриды человека и животного. Постоянно возбуждающие воображение аберрации сочетают в себе фундаментальный мифологический опыт и естественнонаучные знания, стремясь выразить черты характера и моральные качества личности, сверхчеловеческие способности, тайную жизнь души, греховные страсти и социальные пороки. Современная визуальная культура создает новый фантастический мир гибридов человека и животного, также основанный на поэтических и игровых аберрациях.

Наталья Витальевна Злыднева (Москва)

**БАЛКАНСКИЙ БЕСИАРИЙ НА СЛУЖБЕ ANTI-ТРАДИЦИИ
(В СВЕТЕ ТИПОЛОГИИ БАЛТРУШАЙТИСА)**

Изображения животных в балканском искусстве XX века часто используются для разрушения стереотипов классического искусства. В рассматриваемых в докладе разнообразных типах «семантической» живописи хорватов и сербов (И. Генералич, П. Лубарда, Л. Шейка, С. Юнакович), обнаруживаются фольклорно-архаические корни, восходящие к средневековым bestiариям. На основании типологии изобразительных изоглосс Балтрушайтиса делаются выводы об универсальности основных механизмов формообразования в региональном поставангарде.

Вячеслав Всеволодович Иванов (Москва — Лос-Анджелес)

**МАМОНТ КАК ФАНТАСТИЧЕСКОЕ ЖИВОТНОЕ
В МИФОЛОГИИ, ИСКУССТВЕ И ЯЗЫКАХ ЕВРАЗИИ**

Мамонт как фантастическое животное выступает в ту эпоху, когда его уже древний человек перестает видеть живьем. Исчезнувший мамонт сохраняется в преданиях и уже в Палеолите из реально изображаемого зверя переходит в разряд полуфантастических, а потом и вовсе фантастических образов. Но при этом такие существенные черты мамонта, как его величина (известная по остаткам, находившимся в изобилии) оказались общими для ранних реалистических и последующих в основном фантастических представлений. В докладе рассматриваются разнообразные изображения мамонта в мифологии, искусстве и языках Евразии.

Николай Николаевич Казанский (С.-Петербург)

О СИРЕНАХ

В докладе предполагается рассмотреть образ сирен от первых упоминаний в микенских текстах, от сюжетов в древнегреческой литературе до их представления в средневековой культуре.

Елена Михайловна Коницкая (Вильнюс)

ЗООМОРФНЫЕ ОБРАЗЫ ВРЕМЕНИ В СЛАВЯНСКОЙ И ЛИТОВСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

В славянской и литовской темпоральной фразеологии зооморфные образы встречаются нечасто, хотя довольно распространенными являются фразеологизмы, где время

характеризуется путем сравнения с животными (или птицами), напр., рус. *Время ползет, как черепаха, Время летит как птица, слов. Čas se vleče po polžje*, лит. *Laikas bėga risčiomis*. Большой интерес представляют встречающиеся во фразеологии выражения, в которых время или его промежутки представлены в зооморфных образах или, вернее, в образах, связанных с миром животных. Это особенно характерно, в частности, для словенской (*Dan je boljše loviti pri glavi, kako pri repu; Ako zima ne miga z rilcem, otera z repom*) и литовской (*Laiko už uodegos nepagausi; Laiko dantys aštrūs*) фразеологии; такие выражения, по-видимому, можно рассматривать как отражение архаических представлений о времени. В сообщении на материале русских, словенских и литовских фразеологических словарей, сборников пословиц и поговорок и т. п. рассматриваются различные примеры зооморфных метафор и сравнений времени в традиционных выражениях трех языков на фоне фразеологии других, в первую очередь, славянских языков.

Янина КУРСИТЕ, Ингус БАРОВСКИС (Рига)

СИМВОЛИКА КОРОВЫ В ЛАТЫШСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

В латышских фольклорно-мифологических текстах (дайны, старинные народные песни, поверья и волшебные сказки) образная символика коровы весьма значима и многообразна. Описательно-сравнительная метафорика позволяет рассматривать её как прообраз Великой Матери, чрево которой являетсяместилищем сакрального напитка – молока; корова – обладательница и дарительница богатства, заступница женщин и сирот, посредница хтонических божеств Мары и Лаймы. В фольклорном материале особое место занимает образ пестрой коровы. При эпидемиях чумы, при стихийных бедствиях и т.п. самой сильной искупительной жертвой богам считалась корова. В крестьянском быту корова особенно почиталась и оберегалась; в праздник летнего солнцестояния, на Иванов день (лат. *Jāņu diena*) ее рога украшали цветочными венками, коров угощали лакомствами и помечали оберегами от дурного глаза, так как в этот день ведьмы могли отбирать у них молоко.

Павел Михайлович ЛАВРИНЕЦ (Вильнюс)

ВИЛЬНЮССКИЙ МОНСТР: BAZYLISZEK, SMOK, SIAUBUNAS.

В докладе рассматриваются различные реализации сюжета о вильнюсском василиске и метаморфозы образа монстра в изложениях легенды на польском и литовском языках в первой половине XX в., в межвоенных постановках под открытым небом и в современной литовской литературе.

Георгий Ахиллович ЛЕВИНТОН (С.-Петербург)

НАБРОСКИ К БЕСТИАРИЮ МАНДЕЛЬШТАМА

Словарный (парадигматический) обзор анималистической лексики у Мандельштама. Домашние и дикие животные, «настоящие» и геральдические, а также метафорические. Комментарии к отдельным наиболее интересным словоупотреблениям.

Вера Сергеевна ПОЛИЛОВА (Москва)

ТРАДИЦИИ СРЕДНЕВЕКОВОГО БЕСТИАРИЯ В ОПИСАНИИ ПРИРОДЫ НОВОГО СВЕТА

Новый Свет, открытие которого знаменует начало Нового времени, постигался образованными европейцами в рамках метафорических и ментальных координат, выработанных средневековой культурой. Америка в этой системе мыслилась или аналогом (а порой даже воплощением) земного рая, или его противоположностью. Описания американской фауны подчеркивали не только ее внешние особенности, но и

заклученные в ней скрытые смыслы. Отправной точкой для их поиска стала обширная средневековая традиция символического восприятия природы, нашедшая выражение в bestiариях.

Отсюда многочисленные сближения между средневековыми авторами и американскими хронистами: в фантастической природе Нового Света надеялись найти подтверждение реального существования диковинных существ, описанных в средневековых и античных источниках.

В сообщении речь пойдет о фантастической фауне у испанских хронистов-исследователей Новой Гранады: гигантах, пигмеях, сиренах, кентаврах, козерогах, грифонах и других.

Димитрий СЕГАЛ (Иерусалим)

ЕВРЕЙСКИЕ ЗВЕРИ: НАБЛЮДЕНИЯ И РАССУЖДЕНИЯ

В докладе рассматривается вопрос о семиотической роли зверей в различных еврейских текстах, начиная от Книги Бытия. Делается различие между нарративной и семантической ролью животного. Отдельно обсуждается проблема номинации с употреблением названий зверей на разных еврейских языках.

Нина СЕГАЛ-Рудник (Иерусалим)

ЗВЕРИ ШАЯ АГНОНА

В докладе ставится проблема символики животных и птиц в произведениях классика ивритской литературы, уроженца Галиции Шмуэля Йосефа Агнона. Обсуждается вопрос о соединении фольклорных и квази-фольклорных нарративов в произведениях Агнона с обработкой священных повествований и сакральных историй. Аллегорические построения Агнона сопоставляются с соответствующими мотивами М. Шагала.

Карла СОЛИВЕТТИ (Рим)

ДОМАШНИЙ БЕСИАРИЙ В «ЗАПИСКАХ СУМАСШЕДШЕГО» Н.В. ГОГОЛЯ

В «Записках сумасшедшего» происходит опровержение и разрушение космического порядка, и начинается оно с нейтрализации иерархического соотношения между классом людей и классом животных. Внешнее подобие человека и животного — сквозной мотив повести, ее своеобразный фон. Это внешнее подобие подкрепляется поведением: животные разговаривают, пишут письма и т. п. Метафорический язык Поприщина расцвечен типологическими характеристиками формируемого им домашнего bestiария (от канареек до черепах, не считая собачек-протагонистов). В «Записках сумасшедшего» проводится анализ когнитивной способности разума и мышления, при этом установленная обществом «нормальность» опровергается, анималистические свойства превосходят человеческие, и умственный потенциал человека тем самым ставится под сомнение.

Людмила СПРОГЕ, Светлана ПОГОДИНА (Рига)

ЛАТЫШСКИЙ БЕСИАРИЙ: ЗАЯЦ/КОТ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ЛАТВИИ

Амбивалентность заяц/кот (простота/коварство; слабость/сила; пассивность/активность и т. д.) в системе балто-славянского bestiария достаточно распространена: с одной стороны, в народной традиции бытует как сопоставление/противопоставление двух видов, с другой, — два «зверька» выступают как некое тождество, в функции одного зооморфного персонажа. Специфика таких «образных рядов», становясь уделом семиотических штудий, частотно представлена в латышском традиционном фольклоре (паремиях, волшебных сказках, дайнах, *tautas šūrla dziesmas*, *tautas teikas* и т. п.). Эти образы характерны и для традиции заговоров/заклятий и в целом способствуют созданию

целостного бестиарного мира, находящего свое отражение на языковом и на визуальном уровнях.

Светлана Михайловна Толстая (Москва)

**ЗООЛОГИЧЕСКИЙ КОД В СЛАВЯНСКОЙ НАРОДНОЙ МЕДИЦИНЕ:
ВОЛЧЬИ БОЛЕЗНИ**

Зоологический код в номенклатуре болезней в славянской традиции представлен целыми сериями названий, среди которых к самым распространенным относятся «свинные», «жабьи» и «собачьи» номинации, разновидностью последних являются и «волчьи» названия болезней (ср. параллелизм типа собачье вымя – волчье вымя). Прослеживаемые в лексике «волчьих» болезней мотивы обнаруживают полную согласованность с общей символикой волка в народной традиции и в языке, где это животное устойчиво ассоциируется с чужим, диким, опасным, враждебным человеку миром, олицетворяет некую демоническую и стихийную силу, с которой, однако, человек вынужден постоянно взаимодействовать. Это определяет продуктивность «волчьего кода» в самых разных сферах народной культуры и лексических сферах языка (фитонимия, астрономия, метеорологическая, предметная лексика и др.). При этом лексика болезней особенно ярко демонстрирует взаимовлияние языка и культуры: если названия болезней могут мотивироваться верованиями, то в такой же степени они могут порождать верования, объясняющие этиологию и практику лечения болезни на основе этимологической магии.

Елена Анатольевна Тянина (Москва)

**ЗООЛАТРИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЕ
СРЕДНЕВЕКОВОГО НОВГОРОДА (ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)**

Зоолатрические представления являются важной частью дохристианской культурной традиции средневекового Новгорода и богато отражены в материалах многолетних археологических исследований этого города. В докладе будут проанализированы археологические свидетельства зоолатрических культов у средневековых новгородцев, представлена общая классификация и хронология предметов, связанных с почитанием животных, затронуты вопросы их семантики и происхождения.

Федор Борисович Успенский (Москва)

Речи синиц: ВОСПРИЯТИЕ ЭДДИЧЕСКИХ СЮЖЕТОВ В ИСЛАНДИИ XIII–XIV вв.

В составе знаменитой исландской рукописи, «Книга с Плоского острова», есть прядь о Норна-Гесте, особенно любимая исследователями скандинавских древностей. Такое пристрастие объясняется прежде всего тем, что этот текст, записанный в конце XIV в., изобилует прямыми апелляциями к куда более архаичному культурному слою. В пряди мы находим и целые блоки пересказов и цитат из «Старшей Эдды», и отсылающие к ней же метатекстовые ремарки, и весьма интригующее упоминание о том, что эддические песни могли исполняться устно при дворе конунга.

В числе прочих частей «Старшей Эдды», так или иначе фигурирующих в пряди, называется и песнь под заглавием «Древнее коварство Гудрун» (*Guðrúnarbrögð hinn fornu*) — именно ее, вместе с песней о битве Гуннара, Норна-Гест исполняет перед конунгом Олавом Трюггвасоном, играя на арфе. Упоминание о круге сюжетов, связанных с Гудрун и Сигурдом Драконобойцей, разумеется, не ограничивается одними лишь названиями героических песней. В самом деле, в пряди Норна-Гест представлен как человек, проживший несколько столетий и служивший многим конунгам. Начинаясь же его карьера именно в дружине Сигурда, и потому-то Олав Трюггвасон, последний правитель,

к которому ему довелось попасть, подробно расспрашивает Норна-Геста о тех временах, обращаясь к нему как к очевидцу и современнику событий.

Один из фрагментов рассказа этого фантастического долгожителя весьма близок к дошедшему до нас прозаическому тексту, которым завершается «Отрывок песни о Сигурде» в «Старшей Эдде» по Codex Regius (вторая половина XIII в.), тому самому, где говорится о разных версиях гибели Сигурда:

Edda

Hér er sagt í þessi qviðo frá dauða Sigurðar, oc vícr hér svá til, sem þeir dræpi hann úti. Enn sumir segia svá, at þeir dræpi hann inni í reccio sinni sofanda. Enn þýðverscir menn segia svá, at þeir dræpi hann úti í scógi. Oc svá segir í Guðrúnar qviðo inni forno, at Sigurðr oc Giúca synir hefði til þings riðit, þá er hann var drepinn. Enn þat segia allir einnig, at þeir svico hann í trygd oc vógo at hánom liggianda oc óbúnom.

«Здесь в этой песни рассказывается о смерти Сигурда и говорится, что он был убит вне дома. Но некоторые говорят, что он был убит в постели, спящий. А немецкие мужи говорят, что он был убит в лесу. А в Древней Песни о Гудрун говорится, что Сигурд и сыновья Гьюки ехали на тинг, когда его убили. Однако все говорят единогласно, что убийцы нарушили верность ему и напали на него лежащего и не готового к защите»

Flateyjarbók

Konungr mællti. huat uard Sigurdi at bana. Gestr suarar. su er flestra manna sögnn at Guthormr Giukason legdi hann suerde j gegnum sofanda j sæng Gudrunar. en þyuerskir menn segia Sigurd drepinn hafa uerit uti a skogi. en igdurnar sögdu sua at Sigurdr ok Giuka synir hofd(u) ridit til þings nokkurs ok þa dræpi þeir hann. en þat er alsagt ar þeir uogu at honum liggianda at vuorum ok suiku hann j trygd.

«Конунг спросил: — Отчего погиб Сигурд? Гест ответил: — По словам большинства людей, Гутторм сын Гьюки пронзил его спящего в кровати у Гудрун. Немцы же рассказывают, что Сигурда убили в лесу. А синицы говорили, что Сигурд и сыновья Гьюки поехали на какой-то тинг, и они там его убили. Но в одном соглашаются все, — что они напали на него лежащего и не готового обороняться и таким образом предали его и нарушили клятву о дружбе».

Очевидно, что пословного тождества между двумя этими фрагментами не наблюдается, в то же время они явно близки настолько, что их текстологическая связанность не вызывает сомнения. Весьма вероятно, что составитель пряди работал с некоторым записанным текстом, который, по крайней мере, в этой своей части был предельно близок к тому прозаическому отрывку, что мы находим в Codex Regius. Конкретизация уровня и характера этой связи в нашу задачу не входит, однако мы хотели бы обратить внимание в своем докладе на один из несопадающих отрезков в этих двух текстах, который, как нам представляется, может оказаться более информативным, чем иные случаи прямого сходства.

Татьяна Владимировна Цивьян (Москва)

ДИАЛОГИ ЧЕЛОВЕКА И ЖИВОТНЫХ: НА ЧЬЕМ ЯЗЫКЕ?

По хрестоматийным текстам (фольклорным или близким к фольклору — от сказки В. Гауфа «Калиф-аист» до знаменитой восточнороманской баллады «Миорица») рассматривается «коммуникативный вопрос»: понимает ли человек язык животных, а животные — язык человека. Чей язык выбирается для общения?